

С.А. Векилова

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ШКОЛ В СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (к постановке проблемы)

В статье обосновывается необходимость определить место отечественной психологии в мировом научном контексте среди многих психологических систем современной психологии. Представлены предварительные доказательства философской идентичности советской и отчасти современной отечественной психологии. Дается обоснование того, что «способ мышления» и философская ориентация выдающегося отечественного психолога С.Л. Рубинштейна имеют глубинные рационалистические основания.

Ключевые слова: советская психология, психологические школы, философская идентичность, кризис профессиональной идентичности, рационалистическая и эмпирическая философия, метафизика, диалектика, трансценденция, вершинные образования.

Вопросы об исторических корнях школ в советской психологии и о концептуальной квалификации этих школ ставятся при определении места отечественной психологии в контексте мировой науки. Попытки такого определения предпринимались многими авторами с разной степенью успешности (см. обзорную статью [2]). Общим их итогом можно считать тот факт, что современные российские учебники по истории психологии по-прежнему включают отдельную главу по истории отечественной психологии, которая как будто бы стоит особняком от генеральных линий в развитии мировой психологии [7; 20].

В научном сообществе обостряется переживание разлада между методологической идентичностью с советскими корнями и новой позитивистской парадигмой идентичности, имеющей зарубежное, в частности, американское происхождение. Но у психологов есть потребность формировать ясную и непротиворечивую профессиональную идентичность. В данной работе предпринимается попытка исследовать содержание существующего кризиса и степень его остроты.

Для этого необходимо восстанавливать исходную связность дореволюци-

онных отечественных психологических школ с европейскими и американскими школами. И такая работа проводится (см. [3; 4; 7; 14]). Нужно также восстанавливать линии связи между советскими школами и дореволюционными российскими и мировыми философскими и психологическими школами. Такая связанность до сих пор декларируется только по двум линиям: одна из них — это отношение с психофизиологической школой И.П. Павлова и американским бихевиоризмом [17], другая линия — это отношение с русским психоанализом и с его немецкоязычными первоисточниками [18].

Однако кажутся очевидными и другие связи. На наш взгляд, обширная литература советского периода по проблемам адаптации связывает отечественную психологию и американский функционализм. Теория деятельности А.Н. Леонтьева имеет базу в виде рационалистической философии и гуманистической психологии («вершинные образования» в виде «смыслообразующего мотива»), с одной стороны, и бихевиоризма — с другой. Энергоинформационная теория Л.М. Веккера является разделом когнитивной психологии, а психология переживания Ф.Е. Василюка — одной из тем экзистенциальной

психологии. И этот перечень может быть продолжен.

Обращение к историческим корням вызвано также желанием понять сущность такого культурного феномена, как идеологическая цензура в гуманитарных науках и в психологии. Мы полагаем, что цензура искажает открыто декларируемые идеи и разрушает исторический диалог, в первую очередь через запрет на открытое цитирование. В меньшей мере цензура нарушает стиль изложения и метафоричность, а также то, что К. Левин назвал «способом мышления» [10].

В науке школой считается сообщество, члены которого имеют общее понимание природы того, что, как и на каких основаниях подлежит изучению. Школа в науке существует по социально-психологическим законам, поэтому в ней есть признанные лидеры, внешние границы, постоянные члены [12]. На стыке XIX–XX вв. в психологии традиционно выделяются семь наиболее крупных школ. Это три немецкие школы: Вюрцбургская, гештальтпсихологическая и психоаналитическая. Это также три американские школы – школы структурализма Э. Титченера, функционализма У. Джеймса и бихевиоризма Дж. Уотсона. Кроме того, выделяется школа экзистенциальной психологии. У ее феноменологических истоков – работы С. Кьеркегора (предметом и единицей анализа является переживание), а в основе методологии – работы Дильтея (понимающая психология и герменевтический анализ как метод исследования).

Помимо школ с разработанной теоретической базой (и наряду с ними), в мировой психологии на стыке XIX и XX вв. существовало целое направление прикладных исследований диагностического плана, в которых широко использовались и развивались психометрические процедуры, прежде всего, как формы тестирования. Эти приложения знаний о челове-

ке были весьма распространены в России с начала 20-х до середины 30-х гг. XX в. в рамках психотехнических и педологических исследований. Но практически в одночасье они были прекращены известным постановлением Наркомпроса. Психотехника начала возрождаться с конца 50-х гг. в рамках эргономики и психологии труда, а педология – в рамках возрастной и педагогической психологии.

Фактически наличие психологических школ можно проследить и в отечественной науке советского периода. В частности, это не только региональное деление на Московскую, Ленинградскую или Пермскую школы. Более дробным является выделение школ как научных направлений по их идейным вдохновителям и признанным лидерам. Профессиональным психологам как будто бы вполне понятно, что имеют в виду, когда говорят, например, о школах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, В.С. Мерлина, А.Р. Лурии, Б.Г. Ананьева, Л.М. Веккера, Я.А. Пономарева, В.Ф. Петренко... Однако остается открытым вопрос о сравнительной конкретизации соответствующих предметных областей психологии.

Задача данной статьи – поставить вопрос о преемственности. Отечественные психологические школы естественно вырастают из мировых философских и психологических школ. И мы постараемся аргументировать положение о том, что теоретические и методологические основания советской психологии – это, в основном, рационалистическая философия и, в частности, немецкая классическая философия как ее вершина.

С неожиданной стороны преемственность раскрывается в статье В.А. Аверина с соавторами, которые проанализировали материалы III съезда Российского психологического общества (Санкт-Петербург, 25–28 июня 2003 г.). Авторы подсчитали частоту цитирования и упоминания имен, значимых для отечественных психологов

в прошлом и настоящем. Рассмотрены материалы 1694 научных статей, изложенных в тексте объемом 5000 страниц, — впечатляющая выборка [1]! Оказывается, что среди наших соотечественников наиболее часто цитируются (по убывающей) Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев. Также достаточно часто упоминаются Б.Г. Ананьев и Б.Ф. Ломов. Среди зарубежных авторов чаще других называются представители психоаналитической (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, Э. Фромм) и гуманистической (А. Маслоу, К. Роджерс) школ. Представители бихевиоризма (Э. Торндайк, Б. Скиннер) и когнитивной школы (Ж. Пиаже, Дж. Миллер, Дж. Брунер, У. Найссер, Л. Фестингер) занимают в этом перечне значительно более низкие места. Если рассматривать цитирование как показатель согласия или диалога, то можно говорить о сохранении профессиональной идентичности и о приверженности современных отечественных психологов традициям, заложенным основоположниками советской психологии. И снова мы сталкиваемся с феноменом границы, дальше которой диалог и профессиональная преемственность не распространяются.

Попытка определить «философскую идентичность» современных российских психологов приводит к неожиданным и весьма интересным результатам. В число наиболее цитируемых попали, кроме К. Маркса, представители рационализма и зарубежные и русские экзистенциалисты, это в частности И. Кант, Р. Декарт, Аристотель, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, Гегель, Платон, М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр, Э. Гуссерль, Г. Лейбниц. Таким образом, мы обнаруживаем не только отсутствие разрывов во временной исторической оси от античности к современности, но и то, что кажется нам еще более важным. Можно сказать, что содержание философской идентичности у современных российских психологов имеет основу

в немецкой классической философии — как вершине рационализма — и в экзистенциальной философии.

Нам представляется, что распределение цитирований не является случайным. Оно делает очевидным тот факт, что для многих отечественных психологов рационалистические философские основания наиболее приемлемы, даже в случае, если это особо не подчеркивается. И это утверждение становится более обоснованным, если учесть, что концептуальное ядро во взглядах отцов отечественной психологии рационалистично в своей основе. В частности, о рационалистической, культурно-исторической ориентации Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна уже говорили другие авторы [6; 8].

Дихотомия «рационализм — эмпиризм», широко представленная в учебниках по истории психологии, используется для анализа философско-психологических школ с начала Нового времени [11; 21]. В современных текстах она сменила дихотомию «идеализма — материализма», распространенную в философской и психологической литературе советского периода. Это основание представляется менее идеологизированным, оно конкретизирует собственно гносеологический аспект при характеристике природы психического.

Рационалистические концепции психики берут свое начало от философии Платона и Плотина, и в Новое время (XVII век) наиболее ярко представлены учениями Р. Декарта, Б. Спинозы и Г. Лейбница. Они достигают расцвета в немецкой классической философии И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Эмпирические концепции берут свое начало от античного материализма (Демокрит). Наиболее яркими представителями этого направления в период Нового времени являются английские эмпирики (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк), а позднее — французские энциклопедисты (Просвещение,

XVIII век.). Эмпирическую традицию продолжают современные американские школы небиохевиоризма и когнитивной психологии.

Наиболее существенным различием между школами является убеждение их сторонников относительно природы мироздания, или решение ими так называемого «основного вопроса философии». Для рационалистов исходным является представление о том, что основу мироздания составляет духовная (мыслящая) субстанция, либо о том, что природа мироздания дуальна, но с приоритетом духовного начала. Для эмпириков исходным является представление об основе мира как о протяженном материальном начале. Из этой оппозиции исходных убеждений логично следуют различия и в других убеждениях, касающихся природы и основных проблем познания. Проблемы источника и происхождения знаний являются основными в гносеологическом плане. Рационалисты считают, что знание является врожденным, и всеобщие понятия имеют априорное происхождение. Эмпирики считают, что знание — это результат опыта, приобретенного прижизненно.

Из проблемы источника знаний вытекает и проблема соотношения сенсорного опыта и логического мышления. Для рационалистов приоритетным является логическое суждение, для эмпириков — перцептивные процессы. По-разному также решаются проблема отношения познавательных процессов к физическому миру (психофизическая проблема) и проблема познаваемости мира (в частности психогностическая проблема — по А.В. Петровскому и М.Г. Ярошевскому). Некоторые представители рационализма стоят на позициях непознаваемости мира (агностики), эмпирики же преимущественно стоят на позициях его познаваемости.

Различие ярко проявляется также в решении вопроса о соотношении психических и телесных процессов (психо-

физиологическая проблема). Для рационалистов телесное и психическое суть отдельные, несводимые друг к другу субстанции. Рационалисты стоят на позициях дуализма души и тела, или на позициях психофизиологического параллелизма. Для эмпириков, как правило, психическое — это продукт деятельности либо тела, либо отдельной его части — мозга. Различаются те и другие также предпочтениями в использовании логических методов. Рационалисты предпочитают метод логической дедукции, а эмпирики — метод логической индукции [19].

Развитие отечественной психологии в современной ситуации отличается тем, что одновременно широко представлены обе выделенные методологические позиции, обе крайности во взглядах на психику и на ее изучение. Мы рискуем утверждать, что это в конечном счете именно рационалистическая и эмпирическая методологии. Рынок заполнен зарубежными (преимущественно американскими) учебниками практически по всем разделам психологии. И базируются они на эмпирических, позитивистских постулатах. Однако методологические основания отечественной психологии традиционно лежат в плоскости рационалистической психологии. Соответственно, учебные программы содержат оба вида биографических источников. Причем лавина зарубежных источников с появлением электронных ресурсов только нарастает. Именно в связи с этим в научном сообществе обостряется переживание разлада между методологической идентичностью с советскими корнями и новой позитивистской парадигмой идентичности, имеющей зарубежное происхождение.

Проблемы механизмов и закономерностей построения научного знания, а также проблемы анализа этого процесса являются перманентными. Одна из попыток их решения предпринята в работе Н. Смита [15]. Автор выделяет три уровня

конструктов, с помощью которых тот или иной исследователь или даже целая психологическая школа презентует свое видение психического, его отдельных феноменов. Смит говорит о метапостулатах, протопостулатах и постулатах и рассматривает их как систему глубинных представлений ученого о природе психического, о причинности и о методах исследования. В этом контексте является системой постулатов и схематически данное выше изложение методологии рационализма и эмпиризма.

Обратимся к творчеству патриарха советской психологии С.Л. Рубинштейна (1889–1960), автора фундаментального учебника «Основы общей психологии» (1-е издание – 1940 г.) [14]. Этот труд стал краеугольным камнем в формировании мировоззрения и профессиональных убеждений у психологов нескольких поколений советского периода.

Многие психологические тексты до сих пор содержат ноту пиетета, пафоса и особой теплоты при упоминании имени С.Л. Рубинштейна (выдающийся, глубокий...). Однако в последнее время появилась и нота противоположной окраски, и Рубинштейн уже попадает в число «монстров советской психологии»... С чем связана такая трансформация отношения? Вряд ли только с выраженностью внешних конъюнктурных установок у тех, кто высказывается по этому поводу. Представляется, что объясняющим может быть и кризисное состояние профессиональной идентичности в психологическом обществе. И главный инструмент преодоления этого состояния – это научная рефлексия, в частности исторический подход к анализу конкретных проявлений теоретико-методологических позиций в жизни и творчестве ученого.

С.Л. Рубинштейн получил философское образование в Германии в университетах трех городов – Фрайбург, Берлин и Марбург. В 1914 г. он защитил докторскую

диссертацию «О философском методе как методологии конкретных наук» под руководством последовательного кантианца Германа Когена [8; 16; 18]. Г. Коген считал целью философии создать методологические основания для наук. Его основная идея состояла в отрицании позитивизма как научного метода при изучении наблюдаемого. Г. Коген разделял убеждения, согласно которым «...не хаос чувственных наблюдений, а тот или иной способ унификации фактов в рамках определенных гипотез, законов и теорий формирует науку. Законы и теории не извлекаются из фактов. Мы предпосылаем их фактам. Отсюда вывод: всякая теория априорна» [13, с. 279]. Таким образом, мы сталкиваемся с антипозитивистской позицией непосредственного научного руководителя С.Л. Рубинштейна.

Теперь наберемся смелости и отбросим робость и благоговение перед авторитетом С.Л. Рубинштейна как одного из отцов-основателей советской психологии. Обратимся к тексту написанного им учебника «Основы общей психологии» и попытаемся его проанализировать, используя раскрытые выше основания.

1. Начнем с наиболее общего – с аксиоматики. Текст фундаментального учебника и начинается с «самоочевидных истин, не требующих доказательств». С положений, которые не опираются ни на факты, ни на результаты каких-либо исследований, ни на чьи-либо имена. Это некое ясное знание, критерием истинности которого является субъективное **интуитивное переживание истинности**. Такое начало позволяет вполне определенно говорить о следовании декартовской, рационалистической традиции.

2. Есть основания говорить о **метафизическом мышлении** С.Л. Рубинштейна. Соответствующие авторские установки проявляются в убеждении о существовании скрытых сущностей, или мира идей, который закрыт от наблюдения и может

быть постигнут только через интеллектуальный поиск (вторая навигация Платона). С другой стороны, признается существование феноменов, явлений, или мира вещей, который открывается человеку через сенсорно-перцептивные образы. Из представления о наличии скрытого и явленного логично следуют сразу несколько познавательных конструкторов.

Во-первых, это **дихотомия субъекта и объекта**, которая восходит к периоду поздней античности — к учению Плотина. Во-вторых, это понятия «объективация» и «опосредование», которые явно опираются на идею двоемирия. У Рубинштейна это сформулировано так: «Психологическое познание — это опосредованное познание психического через раскрытие его существенных, объективных связей и опосредований» [14, с. 28]. Деятельность рассматривается как опосредующая активность, как посредник между психическим миром и миром объективной действительности; как посредник, обеспечивающий и осуществление, и преобразование обоих миров. Мы полагаем, что по форме эта идея необыкновенно близка платоновской метафоре души как посредника между миром идей и миром вещей. Только роль души Рубинштейн отдает деятельности. В-третьих, из представления о наличии скрытого и явленного следуют понятия «предмет» и «объект» исследования, в понимании которых в научном сообществе нет единодушия. В частности, предмет и объект трактуются как сущность и ее операционализация, как теоретическое общее и эмпирическое частное, как неизмеримое (скрытое) и подлежащее измерению (явное), как психическое свойство (состояние) и его носитель — человек... Есть и другие варианты трактовки.

На наш взгляд, метафизическая логика ярко проявилась и в работе такого ученика С.Л. Рубинштейна, как М.Г. Ярошевский (см., в частности [12]). Так, М.Г. Ярошевский рассматривает метака-

тегии и базисные категории как основные понятия, на которые психология опирается в своем историческом развитии. И автор определяет их соотношение между ними как метафизическое: метакатегория описывает непознаваемую сущность, а базисная категория описывает явление, или операционализацию, с помощью которой познается метакатегория.

3. В тексте С.Л. Рубинштейна мы обнаруживаем также **диалектичность** изложения — через констатацию (тезис), антитезис и их синтез. Мир понимается как полный внутренних противоречий, как постоянно изменяющийся, развивающийся, что является результатом разрешения этих противоречий. Диалектика понимается как формообразование мира и как представление о нем, как метод его познания. Исторические корни такого понимания лежат в античной философии Сократа, Платона и Аристотеля, а также в традициях немецкой классической философии Канта и Гегеля. Для С.Л. Рубинштейна (как и для нас) важно, что материалистическая диалектика К. Маркса сохраняет все принципиальные положения немецкой диалектики, имеющие методологическое значение. Это законы «единства и борьбы противоположностей», «перехода количества в качество», «отрицания отрицания».

Диалектика как метод научного познания уже во второй половине XIX в. подвергалась критике как «софистика», «логическая ошибка» и «болезненное извращение духа» [5, с. 165]. И на стыке XX–XXI вв. у этого метода познания есть и свои сторонники, и свои противники. Один из наиболее видных американских психологов, сторонник диалектики Клаус Ригель — немец по происхождению. Его мнение могло бы стать эпиграфом к нашей статье: «Вместо того чтобы думать о том, как мы можем решить проблему и найти ответ, мы должны спрашивать себя, как нам обнаружить проблему и поставить

вопрос» [15, с. 244]. В этом высказывании для нас очевидна оппозиция прагматической и гносеологической установок ученого. Для него цель познания — не столько в изменении мира, сколько в самом познании; для него наука — не столько для практики, сколько ради самой науки. Разумеется, это взгляд субъекта «изнутри».

Среди наиболее серьезных доводов против диалектики выделяются следующие. Неправоммерно сводить все явления мира к дихотомиям, в частности к «плюсу» и «минусу». Представление о конфликте противоположностей как единственном ракурсе рассмотрения реальности ничем не оправдано. И, быть может, самый сильный аргумент: диалектика как метод познания противоречит формальной логике, «один из законов которой запрещает одновременно утверждать и отрицать нечто в одном и том же смысле» [13].

Диалектичность позиции Рубинштейна видна практически во всех его положениях, на протяжении всего рассматриваемого текста. Это и прямые, рефлексивные суждения о методе познания, например: «При диалектическом понимании развитие психики рассматривается не только как *рост*, но и как *изменение*, как процесс, при котором количественные условия и изменения переходят в качественные, коренные, существенные и приводят к скачкообразно проявляющимся новообразованиям» [14, с. 91]. Это также и реализация диалектического подхода, например, отказ однозначно определить локус причинности психического: «Закономерности общественного бытия являются наиболее существенными ведущими закономерностями развития человека. Психология в своем познании психики человека должна поэтому исходить из них, но однако никак не сводить ни психологические закономерности к социальным, ни социальные к психологическим. Точно так же — как ни велико значение физиологического анализа “механизмов”

психических процессов для познания их природы — никак нельзя свести закономерности психических процессов к физиологическим закономерностям» [14, с. 32]. Согласно Н. Смитю, двойная причинность является основанием для отнесения психологической концепции к нецентрическим диалектическим системам [15].

4. Идею **самоосуществления через творческую самодеятельность**, или идею трансценденции, С.Л. Рубинштейн конкретизировал уже в своей ранней работе одесского периода. Позже под аналогичным названием эта идея была воплощена в гуманистической теории самоактуализации Абрахама Маслоу.

5. Понятие **«вершинные образования»**. Выражение идеи вертикали очень характерно для языка современных психологов. Это и психические процессы разных уровней — высшие и низшие, это и смыслообразующий мотив (как высший) у А.Н. Леонтьева, это вообще любые психические образования разной сложности. Соответствующие научные представления также коренятся в платоновском дискурсе и прямо вытекают из идеи двоимирия. Мир идей понимается как высший и мир вещей — как низший. И С.Л. Рубинштейн часто говорит о высшем и низшем, например: «Психические процессы всегда протекают сразу на нескольких уровнях, и “высший” уровень реально всегда существует лишь неотрывно от “низших”. ...Самые абстрактные понятия, взятые как реальные акты познания, представляют из себя пирамидальные сооружения, в которых абстракции все более высокого порядка образуют вершину, а в основе лежат ...продукты ... менее элементарной генерализации» [14, с. 35].

6. Для анализируемого текста С.Л. Рубинштейна, с точки зрения современных работ, характерен низкий уровень **операционализации**. Можно сказать, что в нем не представлены ни экспериментальные

планы, ни измерительные процедуры. Более того, есть критические высказывания в адрес тех, кто использует измерительные процедуры. Мол, они искажают и подменяют собственно психологический подход. В частности Рубинштейн говорит: «Концентрация психологического исследования на продуктах мыслительной деятельности, взятых обособленно от нее, — это и есть тот “механизм”, посредством которого сплошь и рядом осуществляется соскальзывание психологического исследования в чуждый ему план методически-геометрических, арифметических и тому подобных рассуждений» [14, с. 36].

7. **Стилистика** взятого текста обнаруживает индивидуальное своеобразие авторского языка. Позже эти особенности стиля были заимствованы многими советскими авторами. Стиль С.Л. Рубинштейна можно определить как стиль рефрена. Это стиль многократных повторов и возвращений, с множеством причастных и деепричастных оборотов, которые делают текст тяжеловесным и трудным для восприятия уже по его форме.

Особенной является также такая яркая деталь, как очень частое использование слова «принцип». Предметный указатель содержит перечень, в котором дифференцирован 31 вид принципов. С нашей точки зрения, в этом выражается некий мыслительный императив, определенная регламентация, вызванная социальным давлением. И вот уже сам Рубинштейн выражает настойчивое требование к потенциальному читателю думать именно таким и никаким иным образом... В числе базовых принципов в трудах Рубинштейна названы в частности принцип единства сознания и деятельности, единства теории и практики, детерминизма, развития и некоторые другие. В условиях тоталитарной культуры апелляция к принципам воспринималась иногда как «ритуальное заклинание» — об этом пишет А.М. Эткинд [18].

8. Заслуживает внимания и **цитирование**. Так, при обосновании предмета и задач психологии в ее «Основах» С.Л. Рубинштейн более других цитирует Р. Декарта и Б. Спинозу — философов-рационалистов. В другой работе Рубинштейн говорит буквально следующее: «У каждого человека свой Пантеон. В моем: Спиноза и Маркс, Рембрандт и Бетховен» [21, с. 420]. Цитирование, безусловно, является признаком внутреннего диалога ученого, который таким образом указывает на значимые фигуры его интеллектуальной ойкумены.

Как мы полагаем, проведенный анализ позволяет говорить о следующем. Профессиональная идентичность психологов, которая строится на творческом наследии С.Л. Рубинштейна, в конструктивном плане предполагает следование рационалистической парадигме. Последовательность в этом отношении предполагает отказ от эмпирической (позитивистской) идентичности, характерной для современной американской психологии. Профессиональная идентичность на рационалистических основаниях не характерна также для практико-ориентированной отечественной психологии. Ведь от практической психологии требуются экспериментальные планы, измеримость, операционализация, линейная логика, технологичность, прикладное значение и эффективность использования: в быту, образовании, медицине, экономике, политике и в других сферах общественной жизни.

Литература

1. *Аверин В.А., Аллахвердов В.М. и др.* Куда идет отечественная психология // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 125–128.
2. *Богданчиков С.А.* Советская психология в историко-психологическом контексте (современные подходы к проблеме) // Психологический журнал. 2006. Т. 27, №1. С. 89–97.
3. *Большакова В.В.* Очерки истории русской психологии (XIX — начало XX вв.).

Часть 1: Проблема формирования личности. Нижний Новгород, 1994.

4. Будилова Е.А. Проблема личности в русской психологии второй половины XIX в. — начала XX в. // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 250–277.

5. Диалектика // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 154–158.

6. Дорфман Л.Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. М., 2003.

7. Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности. М., 1997.

8. Коржова Е.Ю. Психология личности: Типология теоретических моделей. СПб., 2004.

9. Курек Н. История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб., 2004.

10. Левин К. Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // Психологический журнал. 1990. № 5. С. 134–163.

11. Лихи Т. История современной психологии. СПб., 2003.

12. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.

13. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4: От романтизма до наших дней. СПб., 1997.

14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2007.

15. Смит Н. Современные системы психологии. СПб., 2003.

16. Степанов С.С. Век психологии: имена и судьбы. М., 2002.

17. Шульц Д.П., Шульц Э.С. История современной психологии. СПб., 1998.

18. Эткин А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993.

19. Якунин В.А. История психологии. СПб., 1998.

20. Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985.

21. Ярошевский М.Г. Четверть века с выдающимся психологом // С.Л. Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.